

Жигмытов Цогто Валерьевич

**СОЦИАЛЬНАЯ КОГНИТИВИСТИКА:
УПРАВЛЕНИЕ СЛОЖНОСТЬЮ**

Специальность 09.00.11 — социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Работа выполнена на кафедре философии
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Сандакова Людмила Гармаевна

Официальные оппоненты:

Назаретян Акоп Погосович, доктор философских наук, профессор
ФГБУН «Институт востоковедения Российской Академии наук», главный научный
сотрудник, руководитель Центра мегаистории и системного прогнозирования Отдела
сравнительного культуроведения ИВ РАН.

Гомбоева Лидия Викторовна, кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и
управления», доцент кафедры философии, истории и культурологии ВСГУТУ.

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
г. Курск.

Защита состоится ____ ____ г. в ____ на заседании диссертационного совета Д.212.022.01
по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при ФГБОУ ВО «Бурятский
государственный университет» по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а, ауд. ____.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВО «Бурятский
государственный университет» и на сайте: <http://www.bsu.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
д.филос.н., профессор

Цырендоржиева Д.Ш.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена растущей сложностью современного мира, проявляющейся в сужении горизонтов прогноза в силу неопределенности социальной реальности, утраты контроля над тенденциями падения качества решений на всех уровнях социального бытия от индивидуального до глобального. Социальная философия, по мнению диссертанта, является той областью знания, в которой сходятся ключевые проблемы современности, включающие в себя необходимость взаимодействия со сложностью, управления ею.

В неживой и живой природе процессы протекают согласно законам, которые существенным образом детерминируются причинно-следственными связями. На социальном уровне самоорганизации материи наряду с ними следует учитывать вероятностные, стохастические процессы, приводящие к усложнению. В социальном измерении сложность производится деятельностью людей («сложность производит сложность»), причём часто как побочный, незапланированный эффект: в процессе переделки мира, делая его более простым, понятным, удобным, мы парадоксальным образом делаем его более сложным, непостижимым, непредсказуемым. Иными словами, упрощая, мы усложняем этот мир. Мы обнаруживаем себя в начале третьего тысячелетия в сложном мире, осваиваемом, порождённом, порождаемом человеком и при этом лежащем «за пределом наглядности». Именно в нём нам предстоит действовать безошибочно, чтобы выживать и процветать. И, поскольку западная культура, по мнению многих исследователей, нуждается в нахождении духовных оснований иного типа развития, ведь её разрушительный энтузиазм способен полностью уничтожить человечество, то социально-философский поиск фундаментальных оснований для правильных действий становится всё более актуальным. Картезианский редукционизм перестает срабатывать в начале нового тысячелетия, и требуется изучение сложных процессов без упрощения, настоящим образом, во всей полноте. Данное диссертационное исследование, ставящее задачу выяснения природы сложности и сложностности связей между социальным и когнитивным, способно, как мы полагаем, помочь наметившемуся «концептивному», «зачинающему» повороту в гуманитарных науках, возвращению, как писал М.Н. Эпштейн, «от текстологии к человековедению». Проблемное поле исследования также включает в себя задачу определения целостной методологии, ориентированной на проверяемое, созидательное и эффективное понимание того, каким образом происходит развитие современного общества и какова роль феноменов сознания в этом процессе.

Степень разработанности проблемы. В исследованиях проблемы взаимосвязей между развитием общества и человеческим сознанием, а также его образующих, можно выделить несколько исторически сложившихся, взаимосвязанных и пересекающихся традиций, линий или парадигм: трудовую (М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс и др.)¹, социоцентрическую (Р. Коллинз, Т. Парсонс, П. Сорокин, и др.)², экзистенциалистскую (С. Кьеркегор, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер и др.)³, культурно-коммуникативную (Э. Гуссерль, И.И. Осинский, В.Ф. Петренко, О. Шпенглер и др.)⁴, эволюционно-натуралистическую (У. Куайн, К. Лоренц, Г. Фоллмер и др.)⁵, постиндустриалистскую (Д. Белл, Т. Веблен, М. Кастельс, Дж. Кейнс, Ё. Масуда, Э. Тоффлер и др.)⁶, кибернетическую (С. Бир и др.)⁷, синергетическую (С.П. Курдюмов,

¹ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества / Н.Л. Полякова. — Москва : «Логос», 2004. — 378 с. — С.11.

² Тернер Дж. Прошлое, настоящее и будущее теории в американской социологии / Джонатан Тернер, пер. с англ. // Личность. Культура. Общество. — 2001. — №2(8). — С.11-39.

³ Лифинцева Т.П. «Экзистенциализм» или «экзистенциальная философия»? Нюансы важны / Т.П. Лифинцева // Эдип. — 2008. — №4. — С.38-43.

⁴ Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы / И.Т.Касавин. — Москва : Альфа-М, 2013. — 560 с. — (Библиотека журнала «Эпистемология и философия науки»). — С.362.

⁵ Кезин А.В. Натуралистические подходы в эпистемологии XX века. Аналитический обзор / А.В.Кезин. — Москва : ИНИОН РАН, 2006. — 100 с. — (Серия «Проблемы философии»).

⁶ Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). — Москва : Academia, 1999. — 640 с.

⁷ Бир С. Мозг фирмы / С. Бир, пер. с англ. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — 416 с.

А.П. Назаретян, И. Пригожин, Г. Хакен и др.)¹. Следует заметить, что классики социальной философии (М. Вебер, Л. Витгенштейн, Э. Дюркгейм, К. Маркс) являются основоположниками или участниками не одной, а двух и более парадигм мышления и научно-философского исследования.

Отметим некоторые направления, представляющиеся нам особенно влиятельными. Это, в первую очередь, направление социально-философской мысли, связанное с концепцией «менталитета» («ментальности»), не случайно родившееся именно в исторических науках в 30-х годах прошлого века в кругу французских ученых школы «Анналов» — М. Блока, Ф. Броделя, Ж. Дюби, Р. Мандру, Л. Февра²; через созданную ими методологию они отыскивали возможность выявить важнейшую категорию современной исторической антропологии — социально-культурную мотивацию поведения людей, в основе которой лежит анализ явлений коллективной психологии, направленной на раскрытие глубинных процессов человеческой психики, определяющих развитие истории. П. Сорокин в ряде работ писал о ментальности и ментальном уровне в системе культуры, отмечая, что внутренняя сторона культуры управляет внешней³. Динамическая концепция менталитета Н.С. Розова, а также данная им типология российских габитусов представляет собой современный социально-философский инструмент описания и анализа проблемы взаимодействия сознания и общества⁴. Основой исследовательской стратегии данного направления является назначение и рассмотрение коллективного сознания (менталитета, ментальности) в качестве ключевого, критического, управляющего фактора в социальных и исторических процессах.

Направление, на практическом уровне связанное с дисциплиной «политическая психология», восходящее к работам З. Фрейда, Э. Фромма, К. Юнга, где «индивидуальное» начало, противостоя и взаимодействуя с «социальным», формирует политическую (в первую очередь), социальную, экономическую и культурную реальность. Одним из крупнейших современных исследователей в этой области является В.Ф. Петренко: экспериментальная психосемантика его школы, исследующая в том числе динамику общественного сознания, опирается на работы Дж. Келли, Дж. Миллера, Ч. Осгуда⁵. Это направление, с определенной точки зрения, можно считать частью более широкого цивилизационного подхода, связываемого с именами А. Тойнби, О.Шпенглера и др. авторов, создавших типологии культуры, где специфика структур мышления решающим образом сказывается в процессе становления и развития социума, государства, коллектива. Действием ментальной составляющей во многом объясняется возникновение и становление цивилизаций; стратегической фокус исследовательского внимания этого направления смещён, по сравнению с предыдущим, в сторону взаимодействия индивидуального и группового, с одной стороны, и социального и политического, с другой, без выраженного акцента на какой-либо из них.

Исследования общества сквозь призму мыслительно-поведенческих конструктов, названных «фантомами», провёл Ж.Т. Тощенко; фантомы — это «явления, олицетворяющие специфические, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности, оказывающие непредвиденное воздействие на политические, экономические и социальные процессы»⁶. В центре внимания социологии жизни, разработанной Ж.Т. Тощенко, находится человек как субъект социального действия; причём его «жизнь как «жизненный мир»

¹ Малинецкий Г.Г. Пространство синергетики. Взгляд с высоты / Г.Г.Малинецкий. — Москва : Либроком, 2013. — 248 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему. №60).

² Каплан А.Б. Французская школа «Анналов» об истории культуры // Идеи в культурологии XX века. Сборник обзоров. — Москва : ИНИОН, 2000. — С.51-73.

³ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ. — Москва : Астрель, 2006. — 1176 с. — С.56.

⁴ Розов Н.С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов / Н. С. Розов // Идеи и идеалы. — 2010. — №1(3). — Т.1. — С.60-79.

⁵ Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. — Москва : Новый хронограф, 2009. — 440 с.

⁶ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества / Ж.Т.Тощенко. — Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. — 668 с.

не может быть «схвачена» только рассудком, т.е. мышлением с помощью понятий, для ее постижения необходимы также эмоциональный интеллект и концептуальное мышление»¹; такова стратегия целостности данного направления исследований.

Кибернетика, начало которой положили работы Н. Винера, также занималась связями сознания и общества, конкретно с точки зрения управления обществом или его структурами. Влиятельный британский кибернетик «второй волны» С. Бир в работах «Мозг фирмы» и «Сердце предприятия» раскрыл и обосновал системный подход к управлению как экономическими предприятиями, так и в целом к управлению социальными объектами². Сложностный, экологический подход разрабатывался под руководством академика Н.Н. Моисеева³; наука о сложности (complexity science), принадлежащая к синергетической парадигме, подчеркивает роль самоорганизации, динамического хаоса, режимов с обострением в процессе развития систем, что отражено в работах И.Р. Пригожина, С.П. Курдюмова и др.⁴ М. Кастельс, причисляемый к постиндустриализму и постмарксизму, указывает в своей теории на принципиально сетевой характер грядущего общества, являющийся в первую очередь результатом развития сетей коммуникации⁵. Опираясь на концепт политических сетей и методы их анализа, Л.В. Сморгун (СПбГУ) подчёркивает роль и значение фактора знания в развитии публичного управления в сторону когнитивной модели управления.⁶

А.С. Панарин, критикуя постмодернистский деконструктивизм, указывает, что «исконной интенцией философии является установка объяснять общественные события и сдвиги, принявшие зримое материальное воплощение, более скрытыми и первичными духовными сдвигами»⁷; таким образом, по его мысли, философия вся строится вокруг отражения и взаимовлияния духовного и социального. В целом, несмотря на холистические тенденции в современном познании⁸, социальная философия и исследователи социального, по мнению Д.Г. Подвойского, по-прежнему склонны к дисциплинарной и эпистемологической сегрегации⁹. Так, принято считать, что проблема развития общества является сложностью, подлежащей изучению со стороны социальных наук, а проблема сознания представляет собой сложность наук когнитивных: нейронауки, психологии, лингвистики. При этом очевидно имеющаяся связь между этими сложностями — это ещё одна сложность, ни в чём им не уступающая; хотя к ней ищут подходы социальная психология, культурология, антропология, теоретическая и мега-история, и, конечно, социальная философия, но проблема исследования связей между сознанием человека и развитием общества в первую очередь заключается в нередукционистском исследовании сложности как таковой, и её реализацией, представлением не только на социальном и когнитивном уровнях отдельно, но и в их взаимодействии, взаимоактуализации. В социальных науках и в социальной философии, таким образом, требуется своя версия «парадигмы сложности», уже выявленной в науках о природе.

¹ Лубский А.В. Рецензия на книгу Ж.Т.Тощенко «Фантомы российского общества» / А.В. Лубский // Вопросы философии. — 2015. — №7. — С.204-207.

² Бир С. Мозг фирмы / С. Бир, пер. с англ. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — 416 с.

³ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой / Н.Н. Моисеев. — Москва : Издательство «Аграф», 1998. — 480 с.

⁴ Малинецкий Г.Г. Пространство синергетики. Взгляд с высоты / Г.Г.Малинецкий. — Москва : Либроком, 2013. — 248 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему. №60).

⁵ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). — Москва, 1999. — С.492-506.

⁶ Сморгун Л.В. Знание и публичное управление: от утверждения нормы к суждению // Политическая наука. — 2016. — №2. — С.181-197.

⁷ Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма / А.С. Панарин. — Москва : ИФ РАН, 2005. — 188 с. — С.17.

⁸ Сандакова Л.Г. Холизм как основной принцип современной постнеклассической научной рациональности / Л.Г. Сандакова // Целостное мировоззрение: Опыт исследования и интерпретации. Материалы региональной научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения В.А. Балханова. Улан-Удэ, 30 октября 2015 г. — С.46-49.

⁹ Момджян К.Х и др. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? / К.Х.Момджян, Д.Г.Подвойский, В.С.Кржевов, А.Ю.Антоновский, Р.Э.Бараш // Вопросы философии. — 2016. — №1. — С.17-42.

Объект исследования: процесс управления сложностью взаимосвязи феноменов сознания (индивидуального и общественного) и жизнедеятельности современного общества.

Предмет исследования: социально-когнитивный аспект процесса управления социальной сложностью.

Цель исследования: выяснить природу и характер преобразования и влияния структур, феноменов и паттернов сознания, с одной стороны, и социальных структур, процессов, феноменов и регулярностей, с другой.

Исходя из цели, сформулированы следующие **основные задачи**:

- выявить социально-философские и конкретно-научные подходы к определению сложности и социальной сложности;
- определить теоретические и концептуальные подходы к управлению сложностью и социальной сложностью;
- раскрыть содержание понятий и концептов, необходимых для исследования сложных феноменов, присущих процессу развития общества;
- выявить роль образования в производстве сложностной и проблемной карты мира;
- обосновать эффективность концепта «интеллектуально-деятельностные сети (хирамы)» в процессе исследования субъектов социального развития в постиндустриальном обществе;
- определить основания для разработки стратегии управления социальной сложностью и сложными социальными процессами.

Методологической основой исследования является диалектический подход, междисциплинарная синергетическая парадигма (Г. Хакен, И. Пригожин, П. Бак, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий), дополненная положениями глобального эволюционизма (Е. Кунин, К. Лоренц, Т. де Шарден и др.) и конструктивизма (У. Матурана); всесекторно-всеуровневая методология К. Уилбера, многоуровневая методология Э.Ч. Дарибазарона и Л.Г. Сандаковой, феноменологический и причинно-следственный анализ, синтез различных подходов; также исследование опирается на методологические принципы проверяемости, системности, историзма.

Теоретическую основу исследования составили положения макросоциологии (Р. Коллинз), мегаистории (А.П. Назаретян), глобального стратегического прогнозирования (З. Бжезинский, А.А. Зиновьев, А.С. Панарин), социальной и эволюционной эпистемологии (И.Т. Касавин, Ж. Пиаже, К. Поппер), эоантропоцентризма (Т.М. Дридзе), когнитивной науки (К.В. Анохин, Б.М. Величковский, А.В. Кравченко), аналитической философии сознания (Д. Дэннетт), культурно-исторической психологии (Л.С. Выготский), психосемантики (В.Ф. Петренко), конструктивной гуманистики (М.Н. Эпштейн), теоретической социологии (Э. Гидденс, П. Бурдьё), социальной философии (К.Х. Момджян), философии науки (Т. Кун, В.С. Степин), методологии гуманитарных наук (М.М. Бахтин), концептуального анализа и синтеза (С.П. Никаноров), кибернетики (Р.Ф. Абдеев, С. Бир), экономики (Э. Шумахер и др.); а также другие положения гуманитарных и общественных наук, касающиеся факторов развития и сложности: гипотеза П. Бака о самоорганизованно-критической природе сложных процессов, сложностно-сетевая парадигма В.И. Аршинова, В.Г. Буданова и А.В. Олескина, презумпция многоуровневой ограниченности ресурсов И.И. Шмальгаузена, гипотеза об оптимизационном характере сложных процессов Н.Н. Моисеева, концепция габитуса П. Бурдьё и другие.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. В результате исследования обоснована необходимость существенно более глубокого исследования связей между сознанием человека, общественным сознанием и развитием общества; артикулирован принципиально меж- и трансдисциплинарный характер этих связей; указаны теоретико-методологические основания нового направления научных исследований — социальной когнитивистики;

2. Предложен вариант концептуализации совокупности когнитивных связей, учитывающий достижения современной науки и постнеклассической философии; построена базовая теоретическая модель и введены в социально-философский контекст дефиниции ключевых понятий социальной когнитивистики: выбор, габитус и когнатура.

3. Определены парадигма и задачи социальной когнитивистики; установлено сущностное соответствие между совокупностью связей индивидуального и общественного сознания с развитием общества и проблемами управления сложными социальными процессами; выявлено содержание понятий, необходимых для исследования сложности как феномена социального уровня самоорганизации материи.

4. Сформулированы мировоззренческие основания, принципы и подходы к разработке образовательных, познавательных, исследовательских, управленческих, социально-проективных и других стратегий управления сложностью через производство сложностной и проблемной картин мира.

5. Разработан концепт «интеллектуально-деятельностных сетей (хирам)» как сложных субъектов социального развития, объектов социально-философского и научного осмысления, инструментов управления сложностью и социальной сложностью.

6. Определены требования к стратегии управления сложностью: диалогичность, оптимизационность, дизайн знания, аутопозис, и др., призванные повысить эффективность и результативность управленческой деятельности, с особым фокусом на организации процессов теоретического познания и формирования пространства диалога между субъектами развития.

По итогам исследования сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Фрактальный, сетевой, самоорганизованно-критический характер процессов взаимовлияния, взаимопреобразования и взаимодействия когнитивного и социального является основанием для более глубокого и точного понимания социальной сложности и социального развития, а также для управления ими.

2. Соответствие (динамическое, структурное, и т.д.) сложности социального уровня самоорганизации материи и сложности сознаний людей, его составляющих, подлежащее раскрытию с помощью соответствующих концептуальных инструментов социальной когнитивистики (выбор, габитус, когнатура и др.), задаёт темпы, ключевые черты и направление развития общества, а также существенным образом определяет вероятности и характер кризисных, стагнационных и деградиционных сценариев.

3. Сущностное соответствие между совокупностью связей индивидуального и общественного сознания с обществом и проблемами управления развивающимися и усложняющимися социальными процессами в свете необходимости управления социальной сложностью приводит к двум ключевым задачам социальной когнитивистики (влияние общества на человека и обратно, человека на общество), и, в итоге, к задаче управления историей.

4. Мировоззренческие основания управления сложностью опираются на понятия выбора, лавинных (самоорганизованно-критических) явлений, адекватности, энергоресурсной ограниченности, производства сложности. Разработка образовательных, познавательных, исследовательских, управленческих, социально-проективных и других стратегий управления сложностью базируется на следующих принципах: оптимизационный характер управления сложностью; примат управления социальной сложностью над управлением другими видами сложности; аутопозный характер управления сложностью; принцип производства доверия; принцип учёта интересов сверх- (над)субъекта-человечества; принцип диалогичности, взаимодействия.

5. Основной стратегией управления сложностью является формирование интеллектуально-деятельностных сетей (хирам), представляющих собой социальные имплементации структур сознания определённого вида. Параметры указанных сетей и структур определяются в процессе их последовательной взаимоактуализации. На этот процесс влияют некоторые ограничения как биологического (ограничения памяти, восприятия, мышления, тонуса, работоспособности), так и культурного характера (запреты, табу, обычаи, традиции, искажения).

6. Темпы и характер развития общества в решающей степени определяются темпами, характером и адекватностью процесса постоянной конкурентной «пересборки» теоретического ядра познания и процессом производства знания. В свою очередь, контроль над этим процессом подразумевает уже следующий уровень (мета-уровень) управления сложностью, также

подпадающий под рамочные требования к стратегии по управлению сложностью: диалогичность, аутопозэзис, дизайн знания и др.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в обосновании необходимости, формулировке принципов и определении подходов к философскому и методологическому переосмыслению положений современных социально-гуманитарных наук, постнеклассической философии и феноменов познания. Авторские предложения по преодолению глобального кризиса позволят найти подходы к решению части проблем, с которыми столкнулось человечество. Материалы, итоги и положения исследования могут быть использованы для формирования гуманитарных, общественных и естественнонаучных учебных курсов, в философских, научных и методологических исследованиях, а также в социально-гуманитарном проектировании.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены: на ежегодной научно-практической конференции преподавателей и сотрудников Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ, 2015-2018); на международной научной конференции, посвящённой 20-летию БГУ (Улан-Удэ, 2015); на региональной научной конференции, посвящённой 70-летию В.А. Балханова (2015 г.); на 21-й международной научно-практической конференции «Роль науки в развитии социума: теоретические и практические аспекты» (Екатеринбург, 2016 г.); на XI международной конференции «Интеллигенция, её гражданские позиции в современном мире (Улан-Удэ, 2016 г.); на всероссийской с международным участием научной конференции «Социально-культурные процессы в условиях интеграции и дезинтеграции» (Улан-Удэ, 2017); на всероссийской с международным участием научной конференции «Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы» (Иркутск, 2017); на всероссийской научной конференции «Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий» (Вологда, 2017).

Основные результаты диссертации опубликованы в 11 научных работах, включая 3 в журналах, рекомендованных ВАК для публикации научных результатов на соискание учёных степеней.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, включающих 6 параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, дана общая характеристика степени разработанности проблемы, определены объект и предмет, цель и задачи исследования, указаны теоретико-методологические основы, сформулированы новизна и основные положения, выносимые на защиту, представлены теоретическая и практическая значимость, а также формы апробации исследования.

В первой главе «Теоретико-методологические подходы к проблеме управления сложностью» приведены историко-дисциплинарные предпосылки и проблемные основания управления сложностью (1.1), предложена базовая теоретическая модель для описания сложных процессов (1.2), сформулированы парадигма и задачи социальной когнитивистики (1.3). Ключевыми из проблемных оснований являются: всё более явная связь между содержанием сознания и (не)изменением обществ; рост субъективности распоряжения всё большими объёмами ресурсов, прямо обусловленный растущей совокупной материальной и энергетической мощью человечества; наконец, принципиальная ограниченность ресурсов планеты. Всё это повышает риски для индивидов, сообществ, обществ, человечества с точки зрения биологического выживания, и представляет собой интегральную проблемную рамку сложных процессов, идущих на Земле. Базовой теоретической моделью для концептуализации проблемы управления сложностью послужила теория самоорганизованной критичности датско-американского физика Пера Бака (Per Bak), описывающая сложные процессы с помощью концептов лавин, эмерджентности, фрактальности, связности. Описаны ключевые понятия, задачи и парадигма социальной когнитивистики; это управление социальной сложностью в

терминах и контексте взаимодействия габитуса (упорядочивающей структуры социально обусловленных диспозиций индивида, порождающей практики и решения) и когнатуры (упорядочивающей структуры биологически порождённых диспозиций индивида, также порождающей практики и решения). По мнению автора, одной из ключевых задач социальной философии как «впередсмотрящего» общественных наук является не просто констатация сложности связей между картинами мира и развитием общества, подлежащих изучению и постижению, но выдвижение гипотез, предварительных концептов, разработка основ методологии и познавательных стратегий, выяснение путей размышления как «способов думать о чём-либо»; всё это призвано послужить возможным начальным импульсом, зародышем, фундаментом новых междисциплинарных направлений научно-философской мысли, одно из которых рассматривается в работе под предварительным названием «социальная когнитивистика». Ссылаясь на предложение У. Куайна, «наши высказывания о внешнем мире сталкиваются с трибуналом чувственного опыта не поодиночке, но исключительно в виде связанного целого», диссертант полагает, что то ещё одна попытка социально-философской «сборки» дисциплинарных достижений в одну концептуальную конструкцию может иметь и некоторый смысл, и определённую перспективу.

В параграфе 1.1 «Дисциплинарные предпосылки и социально-философские основания управления сложностью» рассмотрены основные научные и философские традиции, или, шире, парадигмы в области изучения взаимосвязей сознания и процесса развития общества (трудовая, социоцентрическая, экзистенциалистская, культурно-коммуникативная, аналитико-философская, структуралистская и постструктуралистская, эволюционно-натуралистическая, постиндустриальная, синергетическая) и обсуждаются ключевые, на взгляд диссертанта, проблемные факторы, обуславливающие необходимость нового, социально-когнитивного подхода к проблеме управления сложностью. Показано, что науки об обществе и общественном, не будучи погружены в более широкий научно-философский дискурс, не имеют достаточного масштаба и теоретического инструментария для «схватывания» проблемы управления сложностью во всей её полноте. С другой стороны, признанная актуальность контовского «Основным условием общественной реформы служит реформа интеллектуальная»¹ не означает, что объективные материальные, в первую очередь экономические факторы, исключаются из рассмотрения, скорее они становятся частью этой картины: социальные и экономические изменения всегда подразумевают изменения в мышлении. Другая глобальная проблемная тенденция, по мнению диссертанта, связана с ростом энергооснащённости человека. Исследования, проводимые различными учеными и организациями, показывают, что ресурсы, средства, энергия крайне неравномерно распределены среди людей, что означает, что всё большие количества энергии управляются субъективным образом. Эту тенденцию можно выразить вполне в духе античных апорий: история объективно становится всё более субъективной. Наконец, третий фактор необходимости управления сложностью (социальной сложностью, в первую очередь) — это принципиальная ограниченность ресурсов планеты.

Подводя итоги параграфа, диссертант отмечает, что у управления сложностью и социальной сложностью существуют как интегральные дисциплинарные границы, так и историко-проблемные основания. Дисциплинарные границы порождены сложившимися традициями исследования общества, эпистемологическими и редукционистскими тенденциями отграничения его от мира в целом и от человека как биологического существа; этот подход был плодотворным на определённом этапе развития знания, но в условиях современности, по мнению ведущих исследователей социального, он ведёт к непредсказуемым и зачастую катастрофическим последствиям — нам, по всей видимости, придётся если не отказаться от «простых» объяснений (трудовых, цивилизационных, социо- и культуроцентрических, эволюционных, эпистемологических и других) социальных процессов, то включить их в новый сложностный процесс познания реальности, без предварительного деления её на социальную, физическую, биологическую и какую-либо ещё. Далее, по мнению автора, из связи социального

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисловие П.С. Гуревича. — Москва : Издательская группа «Прогресс» — «Политика», 1992. — 608 с. — с.88.

и индивидуального, субъективизации исторического процесса и ограниченности ресурсов планеты, в контексте выживания каждого человека и человечества в целом, проистекают две ключевые проблемы. Первая: укрощение «атлантов», овладевших и распоряжающихся несообразно огромными ресурсами; целое контролирует часть, социум воздействует на индивида (группу), в целях сохранения, выживания и развития и целого, и части. Вторая: распространение прогрессивных идей; индивид (группа) влияет на социум, часть улучшает целое, снова в целях сохранения, выживания и развития и части, и целого. Это и есть два проблемных социально-философских основания социальной когнитивистики, совокупно они представляют собой задачу управления сложностью, развитием, выживанием — иными словами, задачу управления историей.

Параграф 1.2 «Теоретическая модель управления и ключевые понятия социальной когнитивистики: выбор, габитус и когнатура» открывается описанием основной модели теории самоорганизованной критичности — эксперимента с кучей песка, куда добавляется по одной песчинке в единицу времени. «С ростом крутизны склонов кучи становится более вероятным, что одна песчинка вызовет соскальзывание других. Со временем наклон поверхности достигает определенного значения и больше уже не сможет расти, так как количество добавляемого песка в среднем равно количеству песка, падающего через край. Такое состояние называется стационарным, поскольку среднее количество песка в куче и её средняя крутизна постоянны во времени. Ясно, что для поддержания такого баланса между песком, насыпаемым, скажем, в центр стола, и песком, осыпающимся с краёв, части системы должны быть взаимосвязаны. <...> Время от времени будут возникать лавины, охватывающие всю кучу целиком. Это и есть состояние самоорганизованной критичности. Добавление песчинок перевело систему из состояния, в котором отдельные песчинки следуют собственной локальной динамике, в критическое состояние, где динамика носит всеобъемлющий характер. В стационарном состоянии самоорганизованной критичности есть единая сложная система — куча песка со своей эмерджентной динамикой. И эту эмерджентность невозможно предугадать, исходя из свойств отдельных песчинок»¹.

Ссылаясь на физические метафоры и аналогии, диссертант предлагает рассматривать в качестве единицы, атома, кванта присутствия в нашем мире решение, выбор из доступных выборателю состояний («клавиш возможного», Е.Н. Князева). Если коротко, выбором можно назвать любое (без)действие, соотносимое со своими последствиями. Это определение имеет много общего с социальным действием М. Вебера, различие лишь в направлении: если у Вебера социальное действие — это действие, ориентированное индивидом на ожидания других людей, то в нашем случае сектор соотносимости шире и охватывает не только возможную социальную реакцию, но всю актуально обзримую на момент выбора совокупность последствий. Исходя из презумпции энергоресурсной ограниченности, диссертант приходит к выводам об оптимизационном характере деятельности мозга по осуществлению выборов и о существовании стратегий, позволяющих делать несколько выборов по энергетической цене одного. Основной из таких стратегий является формирование связанных «цепочек выборов»; биологи называют их фиксированными комплексами действия (fixed action pattern). Различные ФКД или квази-ФКД образуют практики, которые формируются (порождаются) и запускаются габитусами, описанными выдающимся французским исследователем Пьером Бурдьё. Габитус является продуктом прошлого опыта, истории: он отбирает, организует, производит практики — т.е. опять же историю — в согласии со схемами, порождёнными и порождаемыми историей и усвоенными выборателем, и, таким образом, являет собой активное, организующее присутствие прошлого опыта во всех решениях всех уровней.

Социальная реальность, по мысли диссертанта, не полностью распределена между габитуально обусловленными практиками, и габитусы, так или иначе, подвержены изменениям, причём, в силу их самоорганизованно-критической природы (они ведь, в итоге, состоят из «песчинок»-выборов), сравнительно внезапным и масштабным. «Непокрываемость»

¹ Бак П. Как работает природа: Теория самоорганизованной критичности / П. Бак, пер. с англ. — Москва : Изд-во УРСС, 2014. — 276 с. — С.96.

социального мира габитусами и социальными ролями, равно как их возможная конфликтность (по определению требующая «арбитра»), в полном соответствии с диалектикой указывает нам на очертания ещё одной структуры, более глубинной, более биологически обусловленной и фундированной, проявляющейся в моменты неадекватности габитуса и являющейся дополнением его до границ актуальной реальности; это то, что приближённо подразумевается под понятиями «нрав», «характер», «темперамент», «менталитет». Эту структуру диссертант предлагает назвать *когнатурой*, и указывает, что в силу её существенно биологической природы она представляет собой сравнительно несложный инструмент по обращению с реальностью, однако в моменты кризиса габитуса именно она выходит на первый план и производит практики, отбирает решения, лучшие из которых складываются, с течением времени, в новые габитусы, формирующие новую социальную реальность, и так далее. Таким образом, взаимодействие когнатуры и габитуса является центром рассматриваемой проблемы — взаимосвязи сознания и развития общества. Выборы (действия, соотнесённые со своими последствиями), представляющие собой, по нашему предложению, атомы, кванты социальной динамики, которые деятель осуществляет в моменты кризиса и неадекватности габитуса, оказывают решающее влияние на будущее состояние общества, а значит, на его развитие, через лавинные механизмы самоорганизованной критичности, модель которых (песчаная куча) была рассмотрена в начале параграфа.

В параграфе 1.3. «Парадигма и задачи социальной когнитивистики в развитии общества» рассматриваются такие вопросы, как качество и адекватность выбора, производство картины мира, формулируется основная задача социальной когнитивистики: раскрытие природы, сущности и механизмов связи между, с одной стороны, изменением социальной реальности и, через решения и осуществляемые выборы людей, их картинами мира, с другой. Глобальная задача, стоящая перед человечеством и биосферой — выживание, включающая в себя изменения сложности в поисках состояния, далёкого от теплового равновесия. Динамика сложности ограничена энергией Солнца и ресурсами планеты. Случайный, «естественный», непосредственный и бесконтрольный перебор вариантов усложнения/упрощения в поисках более или менее устойчивого всё хуже совместимы и с выживанием человека, и с сохранением нынешнего уровня сложности биосферы, и с объёмом доступных ресурсов. Выход из этой ситуации — управляемое развитие; оно подразумевает управление сложностью, в первую очередь когнитивной (познанием), во вторую — социальной. Широким контекстом, парадигмой социальной когнитивистики является необходимость снижения глобальных рисков в доступных энергетических границах при «поисковом», творческом преобразовании реальности, т.е. управляемом изменении её сложности.

(Реальность) → ТВОРЧЕСТВО → (Реальность') (Высокие риски) —————→ (Низкие риски)
--

Таково наше завтра, черты которого настойчиво проступают уже в дне сегодняшнем: в своём «беге от равновесия», по мнению автора, человечество обречено постоянно творить новую сложность, новую реальность и, следует сказать, достигло в этом деле немалых и успехов, и «успехов»; отказ же от творчества означает утрату контроля и рост рисков. В конечном итоге, сознающему себя деятелю требуется: на основе поступающей информации произвести картину мира, реальность-в-сознании, затем, исходя из неё, разметить на ней «проблемную карту», затем решить обозначенные проблемы, скорректировав картину мира, и цикл повторяется. Картина мира при этом, по В.Ф. Петренко, «трактует не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных “пристрастных” (термин А. Н. Леонтьева) культурно-исторических (термин Л. С. Выготского, А. Р. Лурии) моделей мира, которые создает единичный или коллективный субъект»¹. Видим, что сконструированное диссертантом понятие «производство адекватной сложности» с точностью до формулировок

¹ Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. — Санкт-Петербург : Изд-во Питер, 2005. — 480 с. — С.347.

совпадает с понятием развития, которое также можно толковать как поисковые изменения сложности, ограниченные энергией. В этом свете становится особенно выпуклой роль когнатуры в процессе развития общества: поскольку габитус, собственно, этим обществом и обусловлен, практики, им порождённые и организованные, всё менее будут соответствовать изменяющимся условиям, чьи изменения вызваны, опять же, работой сложившейся системы габитусов. Когнатура, в этом ракурсе, является следующим, надгабитуальным этажом антропосоциальной реальности, эмерджентным по отношению к ней феноменом; точно так же, как песчаная лавина «присутствует» в накапливаемых в куче песчинках, когнатура «присутствует» и «вызревает» во взаимодействии габитусов.

Осуществление адекватных выборов, решений, практик позволяет говорить о постоянном производстве сложности, включающем в себя производство картины мира и проблемной карты мира, а также собственно решение проблем, связанное с преобразованием реальности. Характер взаимодействия, проявленности когнитивного в социальном, является ядром, матрицей всего процесса управления сложностью — таков гуманитарный принцип социальной когнитивистики; «мерой всех вещей» станет не просто человек, а человек познающий, явленный и взаимодействующий, творческий — в обществе, в природе.

Во второй главе «Мировоззренческие основания управления сложностью: от производства к управлению социальными процессами» изложена концепция взаимодействия между сознанием и процессами изменения общества, опирающаяся на концепты производства сложностной картины мира (2.1), сетевой парадигмы (2.2), а также обоснованы и перечислены ключевые требования к стратегиям управления сложностью (2.3). Ядром этого взаимодействия является взаимодействие габитуса и когнатуры, отражённое в выборах, решениях, практиках, ритуалах деятелей. Когнатура, являясь «дополнением габитуса до реальности», также как и габитус, представляет собой ресурсно и инструментально обусловленный способ последовательного превращения совокупности всей входящей информации в новую сложность, новую реальность: на первом уровне информация проходит через биологические механизмы (зрение, зрительная кора), становясь совокупностью воспринятых сигналов, на втором — через когнитивные (деятель членит воспринятую картину на знакомые ему предметы), превращаясь в актуальную картину мира деятеля. На третьем этапе актуальная картина мира при участии габитуса и когнатуры преобразуется в проблемную карту мира; проблемы, представляющие собой «вход в реальность», дают и необходимость, и возможность активного её преобразования, или производства сложности. Носители когнатур (проблемных карт мира) определённого вида образуют интеллектуальные сети (Р. Коллинз) и интеллектуально-деятельностные сети, хирамы (А.В. Олескин), которые, при определённых условиях, становятся управляющими в данном обществе, модифицируя и перестраивая набор его габитусов. Стратегии управления социальной сложностью, таким образом, во многом сводятся к контролю и управлению процессом зарождения, роста и развития данных сетевых структур.

В параграфе 2.1 «Производство сложностной картины мира и проблемной карты мира как результат образования» диссертантом показано, что когнатуру и габитус, взаимодополняющие друг друга структуры принятия и отбора решений индивида, можно понимать как квазиупорядоченные списки основных проблем деятеля, подлежащих решению, в совокупности с основными же инструментами деятеля по их решению; когнатура — более простой, но и более универсальный список, габитус — более специализированный список, но сильнее ограниченный по широте применения (не во всех ситуациях можно вести себя «как врач» или «как чиновник»). Поскольку когнатура выходит на первый план, берёт управление на себя в моменты социального кризиса, т.е. неадекватности габитуса и порождаемых им практик, то именно она ответственна за направление и характер развития и изменения общества. Диссертантом отмечается также, что, поскольку когнатура энергетически достаточно дорогой для мозга инструмент, то её основная работа по преобразованию социальной реальности заканчивается на формировании практик, которые должны сложиться в новые габитусы, которые, в свою очередь, сформируют новую социальную реальность. Критерий выхода когнатуры в план действия и принятия решений — это оценочная неадекватность габитуса;

адекватность понимается здесь как результирующее отношение фрагмента реальности к информации об этом фрагменте реальности, или как величина обратная разности между ожидаемыми и фактическими последствиями выбора. Проблема, являясь также когнитивным конструктом, представляет собой «вход» в реальность» — человек мыслит и существует проблемно, опознавая и решая задачи. Итогом этого процесса «Неадекватность габитуса → Проблема, опознаваемая когнатурой → Решение и преобразование социальной реальности → Складывание решений в новые габитусы → Складывание габитусов в новую социальную реальность» является производство социальной сложности и, в итоге, сложности всей нашей реальности. Сопоставляя оценки ресурсов мозга и достоверно решаемые им задачи, диссертант приходит к заключению о том, что когнатура с большой вероятностью представляет собой фрактал, самоподобную фигуру; подобные когнитивные конструкты позволяют «замостить весь мир» сравнительно ресурсно-недорогим способом. Подчёркивается, что способ решения задач и проблем, способы обращения деятеля с актуальным окружением формируются с помощью институтов образования и воспитания, играющих, таким образом, критическую и при этом часто недооцениваемую роль в развитии общества.

В параграфе 2.2. «Интеллектуально-деятельностные сети (хирамы) как сложные субъекты социального развития» диссертант, основываясь на обсуждённых ранее положениях, выдвигает гипотезу, что стратегии управления социальной сложностью во многом сводятся к контролю и управлению процессом зарождения, роста и развития сетевых структур (хирам). Р. Коллинз показал, что развитие знания внутри сообществ носит сетевой характер, разбиваясь на преимущественно «горизонтальные» отношения противоречия и преимущественно «вертикальные» отношения учитель-ученик. Интеллектуальные сети влияют на общество через деятельность, которую осуществляют другие, связанные с ними сети; оба вида сетей объединяются в интеллектуально-деятельностные сети, или же, по терминологии А.В. Олескина, хирамы (High Intensity Research, Activity and Management Association; «исследовательское, деятельностное и управленческое объединение высокой интенсивности»). Структура когнитивно-социальной динамики в этих координатах имеет три слоя: интеллектуальный, деятельностный и, уже рассмотренный ранее, габитуальный. В ядре (первый слой) находится пространство интеллектуального внимания, где конкурируют и которое делят идеи и их носители, складываясь в узлы аргументации и цепочки преемственности. С ним сопряжено пространство действия, область внедрения идей в решательную, деятельностную реальность; там, очевидно, происходят не уступающие предыдущему уровню по сложности процессы, уже с участием деятелей. Следующим, третьим слоем является реальность габитуальная, пространство габитусов, в которой воплощённые в действиях идеи складываются в ФКД (фиксированные комплексы действий), практики, роли и габитусы; на этом уровне судьбу идеи-действия определяет более широкий круг деятелей, исходящих уже из «более социальных» мотивов. Когнатуры деятелей, понимаемые автором как дополнение габитуса до актуальной реальности, участвуют в этих процессах неоднородным образом, и степень их влияния, по нашей гипотезе, прямо коррелирует со сложностью, кризисностью ситуации; кроме того, на всех уровнях, согласно Р.Коллинзу, так или иначе работает закон малых чисел («количество узлов аргументации и цепочек преемственности тяготеет к числу от трёх до шести»). Успешная, захватившая власть идея (теория, если в точности следовать Марксу¹), ставшая материальной силой, таким образом, является частью сложного конструкта, состоящего из интеллектуальной, деятельностной и габитуальной частей; сам этот конструкт тесно связан с когнатурой (когнатурами) его участников, и может толковаться как её (их) проекция на эти три пространства. Идее, нацеленной на изменение общества, таким образом, надо пройти три типа испытаний: выдержать проверку обсуждением в интеллектуальном сообществе, затем выйти в план деятельности и реализации, и, после этого, когда будет сформирована соответствующая хирама, сформировать новый габитус. Примерами таких идей, оказавших влияние на социальную реальность через работу интеллектуально-деятельностных сетей, могут являться

¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.1. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. — С.422.

идея экспериментальной науки, религии, идеи демократии, равенства прав и др. Все эти идеи сформировали и свои сети, и свои габитусы.

Согласно принципу Эшби, управляющая реальностью сеть должна иметь ответ на любой ход реальности. В социальной практике это означает требование «всюду плотности» управляющей хирамы (интеллектуально-деятельностной сети), в противном случае растёт вероятность необработки вызова реальности ответом сети, что, при накоплении, влечёт риски неуправляемых социальных изменений. Поскольку процесс познания реальности, судя по всему, не имеет границ, то наилучшей стратегией общества по выживанию будет обеспечение разнообразия и организация взаимодействия интеллектуально-деятельностных сетей, ограниченных только ресурсными и этическими рамками. Это создаст «Рынок» интеллектуально-социальных инноваций, который, по Н.Н. Моисееву, является наилучшим вычислителем неопределенности. В качестве примера в параграфе рассмотрена интеллектуально-деятельностная сеть гуманитарных наук, которая на данный момент, очевидно, не имеет адекватных сильных ответов на кризис в обществе, управлении и в науке в целом; одной из важных причин этому является дисциплинарная сегрегация, социальным аналогом и, по мнению автора, отражением которой является отсутствие доверия и рост нетерпимости в обществе. И если в науке это можно решить т.н. дизайном научных дисциплин, то в обществе, по всей видимости, надо всерьёз озаботиться не только коммуникативной оснасткой социальных инноваций, но и проектированием и поддержкой пространств диалога и совместной деятельности.

В параграфе 2.3. «Стратегия управления сложными социальными процессами» диссертант указывает, что сложность физического мира, который можно предварительно понимать как совокупность всех регистрируемых человеческим сознанием сигналов, не может быть освоена без определенного уровня предварительного освоения сложности социальной, т.е. взаимодействий среди человеческого сообщества. При этом диссертантом отмечается, что стратегия (стратегии) управления всей сложностью Вселенной вовсе не сводятся к управлению исключительно социальной сложностью и не детерминируются им, но начинаются с него. Иными словами, управление производимой всем человечеством сложностью (включающее в себя и управление и природой, и культурой) в первую очередь подразумевает управление социальной сложностью посредством создания, выращивания интеллектуально-деятельностных сетей. Обеспечение разнообразия этих сетей, их качества, роста, развития, взаимодействия — это и есть задача управления и социальной сложностью, и начало решения задачи настоящего управления сложностью Вселенной. Задачу управления сложностью и сложными социальными процессами, по мнению диссертанта, можно переформулировать как задачу возвращения (или установления) контроля над социальным «левиафаном», и, согласившись, что субъектами, решателями этой задачи будут несколько (а может и множество) интеллектуально-деятельностных сетей, хирам, взаимодействующих между собой, автор делает вывод, что решение её начинается с обсуждения и выработки оснований для стратегии их роста и взаимодействия. Говоря образно: если человек и человечество обречены становиться «чем-то социальным», то пусть это «что-то» будет человеческим.

В параграфе сформулирован рамочный список требований, принципов, презумпций, предъявляемых стратегиям управления сложностью. Это, во-первых, их оптимизационный характер, что влечёт необходимость упорядочивания задач по приоритету; во-вторых, управление сложностью требует управления социальной сложностью, субъектами изменения которой являются хирамы, интеллектуально-деятельностные сети; в-третьих, с учётом положений этнометодологии, социологии ассоциаций и критики трансцендентализма стратегию выращивания интеллектуально-деятельностной сети следует понимать как стратегию самосотворения, аутопоэза этой сети, подразумевающую производство доверия и учет интересов суперсубъекта-человечества при принятии решений; в-четвертых, ориентированность на диалогичность, взаимодействие. Субъектность деятелей подразумевает владение самыми передовыми положениями науки; отсюда следует проблема дизайна научного знания, понимаемого как совокупность форм её представления для наиболее эффективного

использования на любом уровне принятия решений, ориентированную на «дружелюбие науки к решателю» (decision-maker friendly science)..

Подчеркивается, что любой прорыв в науке, технике, искусстве, ремеслах невозможен без обеспечивающей его социальной сети; теорией и практикой построения таких сетей, включает диссертант, и следует заниматься тем, кто хочет выживания и процветания общества и человечества. Автор, ссылаясь на Л.Г. Сандакову, полагает, что в наших реалиях эта проблема решается только через пересмотр всей системы образования. Эта максима представляет собой, на взгляд диссертанта, довольно существенный сдвиг в научной и особенно технологической и технократической парадигме, до сих пор склонной к субъект-объектным отношениям: фокус на создании не решения, но решателей, производство доверия к ним; этот сдвиг уже проявляется в попытках создать автоматические системы экспертизы и принятия решений, в моде на науку о данных и машинное обучение, и в других тенденциях современного познания. Диссертант отмечает, что вопрос о том, создавать или не создавать решателей, даже не стоит — мы всегда и изначально создаём и будем создавать решателей; настоящий вопрос заключается в том, каких именно решателей наших проблем мы будем создавать из себя же самих и материи вокруг нас.

В заключении формулируются основные результаты и выводы диссертационного исследования, подводятся его итоги, намечаются пути дальнейшей разработки проблемы соотношения сознания и развития общества. Автор полагает, что поиски новой сложностной гуманитарной парадигмы не могут быть оставлены на волю озарений, слепого случая, конstellляции обстоятельств, людей и коллективов. На взгляд диссертанта, в гуманитарных науках требуется своя системная инженерия в том смысле, в каком её излагает А.И. Левенчук¹ (МФТИ) — как современный, «индустриальный» способ измышления, производства, реализации нетривиальных, контринтуитивных концептов, эффективно воплощающих требования реальности к системам, в нашем случае к гуманитарным текстам, программам, методологиям, исследованиям, социальным технологиям и проектам — и к решениям, на них основанным. Рост скорости изменений, а также количества людей и объёмов энергии, задействованных в них, оставляют всё меньше возможностей для «эволюционного», методом «проб и ошибок», или традиционного, во многом и кумулятивного, и ремесленнически-спекулятивного, способа развития гуманитарной мысли. Это не означает «перехода на тёмную сторону» естественных наук с их зачастую незрячей, узкодисциплинарной приверженностью количественным измерениям, а развитие своей собственной макрометодологии, базирующейся на таком же по фундаментальности концепте, как измерение в «твёрдых» науках, и схватывающем специфику «мягких». Мыслить гуманитарно, по мнению диссертанта — значит, мыслить точно и глобально, всеобъемлюще и всеаспектно; только при наличии и обоснованности таких претензий можно будет рассчитывать на полноценное социальное пространство диалога гуманитарных и естественных наук, в котором и родится новое будущее для всего человечества.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в научных изданиях, включенных ВАК в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук:

1. Жигмытов Ц.В., Сандакова Л.Г. Социальная проблема как источник эффективной сложности // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — №14. — С.23-29.
2. Жигмытов Ц.В. О роли концепта «будущее» в социальном познании // Вестник Бурятского государственного университета. — 2016. — №6. — С.142-155.
3. Жигмытов Ц.В., Сандакова Л.Г. Развитие общества и задачи социальной когнитивистики // Идеи и идеалы. — 2017. — №1(31). — Т.2. — С.80-92.

¹ Левенчук А.И. Системноинженерное мышление [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://techinvestlab.ru/systems_engineering_thinking/ — (Дата обращения: 24.02.2017).

Статьи, опубликованные в других изданиях и сборниках:

4. Жигмытов Ц.В. О когнитивном подходе к проблемам социального развития // Актуальные проблемы социальной философии: сб.науч.ст. Науч.ред. Д.Ш. Цырендоржиева; отв. ред. М.В. Бадмаева. — Улан-Удэ, Издательство Бурятского госуниверситета, 2015. — Вып.4. — 154 с. — С.65-77.
5. Гомбоева А.В., Жигмытов Ц.В., Сандакова Л.Г. Буддийские основания современных когнитивных технологий // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика. Материалы международной научной конференции посвященной 20-летию Бурятского государственного университета. — Улан-Удэ, 30 сентября-01 октября 2015 г. — С.30-35.
6. Жигмытов Ц.В. К вопросу об оценке возможностей, предпосылок и условий осуществления научного прорыва в Бурятии // Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации. Материалы региональной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора В.А. Балханова. — Улан-Удэ, 30 октября 2015 г. — С.130-144.
7. Жигмытов Ц.В. Университет как ядро ответа на вызов западнизма // Философия и современность: проблемы и перспективы; сб. науч.ст. Отв.ред. Д.Ш. Цырендоржиева. — Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2016. — 210 с. — С.88-93.
8. Жигмытов Ц.В. Интеллигенция: от критики и безмолвия к стратегии и действию // Интеллигенция, её гражданские позиции в современном мире. Материалы XI Международной научной конференции: в 2х томах. 2016. — Улан-Удэ, 16-19 июня 2016 г. — Т.1. — С.156-159.
9. Жигмытов Ц.В. Сандакова Л.Г. От гладиолуса до габитуса: как идеи меняют общество (сетевая модель) // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. — Иркутск, 21 апреля 2017 г. — С.277-281.
10. Жигмытов Ц.В. Основания стратегий управления сложностью // Социально-культурные процессы в условиях интеграции и дезинтеграции. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. — Улан-Удэ, 27-29 июня 2017 г. — С.165-168.
11. Жигмытов Ц.В. Дизайн против *-дисциплинарности // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий. Материалы Всероссийской научной конференции. — Вологда, 2-3 июня 2017 г. — С.81-82.